

Э. П. Риммер,
заслуженный работник культуры РФ,
кавалер Почетного знака «За особые заслуги перед Череповцом»,
главный специалист МБУК «Череповецкое музейное объединение»

Игорь Северянин. Экспозиция 1987 года

Мы работаем для русского народа.
П. М. Третьяков

В 1980-е годы в нашей стране шла перестройка. Николай Губенко Народный артист России, президент Международной ассоциации содействия культуре назвал перестройку - «наиболее разрушительным землетрясением» из всех, что произошли на территории бывшего Советского Союза за последние годы его существования. «От чудовищного толчка сорвались с постаментов памятники, распахнулись музейные и библиотечные запасники». Эти слова Губенко, сказанные им в 1992 году на XVI Генеральной конференции Международного Совета музеев проходившей в Канаде, где он был одним из «ключевых» докладчиков, произвели на слушателей, по мнению журнала «Мир музея», «неизгладимое впечатление»(1).

В эти же годы, несмотря на «катастрофу», начался и так называемый «музейный бум», выразившийся в росте числа и многообразия музеев, туристического движения, в создании многочисленных новых экспозиций, невиданном размахе выставочной деятельности и, главное, в резком всплеске посещаемости музеев.

Череповец не остался в стороне от этого движения. В 1987 году были открыты две большие выставки, посвящённые 100-летию со дня рождения Игоря Северянина и 200-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова, в 1989 году - музей археологии. В этом же году музею было предоставлено здание бывших торговых рядов на Советском проспекте для строительства экспозиции исторического музея, дом городского головы И.А. Милютина на площади Революции, и ряд зданий в усадьбе Гольских на улице Матуринской и др.

В конце 80-х в Министерстве культуры обсуждался вопрос о включении Череповецкого краеведческого музея в состав Вологодского областного музейного объединения в качестве филиала и об отправке в Вологду значительной части музейных коллекций. Череповцу предлагалось иметь два музея: первый - истории металлургического завода и второй – истории создания партии большевиков в здании бывшей аптеки, расположенной на проспекте Луначарского.

Научный коллектив ЧКМ, приступивший к музейной деятельности в конце 1960-х годов, к 1980-м успел накопить определённый опыт, навыки музейной работы, впитал опыт предыдущих поколений музейных работников, традиции, и потому не хотел быть простым исполнителем распоряжений головного музея, находящегося на расстоянии 130 километров. Коллективу удалось устоять в своей самостоятельности и создать Череповецкое музейное объединение, в состав которого ныне входит 10 разнопрофильных музеев.

16 мая 1987 года Череповец должен был отмечать 100-летие со дня рождения Игоря Северянина, поэта, можно сказать, «усыновлённого» нашим городом. Коллектив музея к тому времени устал от строительства

многочисленных актуальных промышленных и политических выставок, таких как «От съезда к съезду», «Товары народного потребления» и прочих, отражавших достижения социалистического строительства и преимущества социалистического образа жизни, а потому с энтузиазмом принялся за экспозицию, посвящённую Серебряному веку, незнакомому и не изученному.

Мысль о создании выставки к 100-летию со дня рождения Северянина не сразу, но нашла сочувствие и понимание в ГК КПСС и в горисполкоме. Может быть, этому содействовали публикации в газете «Коммунист», литературные вечера, проводившиеся в Центральной городской библиотеке. Ещё в 1977 году в газете «Коммунист» была опубликована статья череповчанина Ивана Моисеевича Ячменева «Давние и далёкие встречи», в которой автор рассказал о своём знакомстве с Игорем Северяниным в Белграде. Это случилось в 1928 году. Ячменев учился в университете и «нежданно-негаданно оказался в центре русской эмигрантской культурной жизни». Он встречался с поэтом и на съезде русских писателей и на даче у знакомых «за чашечкой чая». Северянин поразил и порадовал Ячменева «своей простотой и сердечностью. В нём не было ни капли зазнайства. И почему-то, было больно глядеть на него – высокого, со смуглым удлинённым лицом, тёмными волосами, серьёзными умными глазами, читающего свои лирические напевные стихи»(2).

Писатель А.Х. Хачатрян, возглавлявший в Череповце литературное объединение, в 1997 году в интервью газете «Голос Череповца» сказал: «Двадцать лет тому назад, в мае, наш город был единственным на земле, где официально отметили 90-летие замечательного русского поэта Игоря Северянина»(3). Преодолевая рогатки бдительных идеологов, - говорил Хачатрян, - «имевших установку подозрительно относиться к эмигрантским (посписочно) писателям», ему удалось провести юбилейный вечер и поместить в газете «Коммунист» краткий отчёт, в котором он высказал надежду, что «столетие поэта отметит уже вся страна. Так оно и вышло»(4). 20 апреля к 100-летию поэта в Череповецком краеведческом музее была открыта выставка, посвящённая жизни и творчеству поэта.

Экспозиция, как известно, дело сложное, громоздкое и в концептуальном отношении, и в экономическом. Особенностью северянинской экспозиции было то, что она делалась в немемориальном пространстве на энном этаже, при ничтожной малости документов и других свидетельств. Для раскрытия обстоятельств жизни и творчества поэта на мемориальной основе музей не имел не только мемориальных предметов, но и письменных источников, документов, фотографий самого поэта, его родителей, родственников, прижизненных изданий Северянина и его современников. В распоряжении сотрудников были лишь несколько копий фотографий поэта и еще нескольких публикаций известного эстонского учёного, исследователя творчества Северянина - Юрия Шумакова, подаренных им музею.

Переписку с Шумаковым вёл хранитель музея В.Н. Десслер. В 1969 году он передал её мне. С Шумаковым была знакома также преподаватель Череповецкого педагогического института Наталия Ивановна Волынская, с которой мы подружились и часто делились полученными из Таллинна материалами.

Северянин творил на изломе веков, эпох, социально-революционных изменений и потрясений, происходивших в нашей многострадальной стране в конце XIX - начале XX веков. «В обстановке общей растерянности и уныния, - писал череповецкий журналист Николай Рассохин в газете «Коммунист», - он нашёл свою идейную позицию. Она чёткая. Это – духовный комфорт»(5). Нам предстояло окунуться не только в духовный комфорт поэта, но и освоить жизнь прошлого спустя много лет.

Мне, в то время заведующей отделом истории дореволюционного прошлого края, посчастливилось стать, не только инициатором создания экспозиции, но и её исполнителем. Тема увлекла, заворожала. «Судьба поэта с его физическими и духовными преобразованиями, как писал всё тот же Николай Рассохин, не менее поучительна, чем судьба маршала на ратном поле или народного депутата в словесных битвах»(6). Такие «битвы» нынче заняли почти все телевизионные каналы.

Конечно, каждая музейная экспозиция – это плод творчества многих людей, которые в ходе работы становились друзьями и единомышленниками. Первым единомышленником и помощником мне стала научный сотрудник музея Е.М. Шутина. Вместе с ней мы собирали материал для выставки, ездили к потомкам И. Северянина в Москву, посетили некоторые антикварные магазины, сделали запросы в разные архивы, музеи.

Надо сказать, что первым на наш запрос откликнулся эстонский Литературный музей имени Фридриха Крейцвальда – писателя-просветителя, зачинателя национальной литературы. Мы получили от сотрудников этого музея уникальный материал, который сразу решил нашу главную проблему - отсутствие фотографий. Они были присланы в качестве негативов с хорошим справочным материалом. Каждый из негативов был вложен в специальный конверт. Это был урок для нас – урок бережного отношения к музейным сокровищам, к коллегам. Мы получили возможность сделать фотографии с негативов самостоятельно и в нужном нам размере. Кроме того, эти фотографии дали возможность осуществить наш план экспозиции, состоявшей из нескольких частей: Детство и отрочество поэта. Череповецкое реальное училище. Северянин в Петербурге, где началось его нелёгкое восхождение на вершину поэтического олимпа. Северянин в Эстонии.

Среди фотографий были портреты Василия Петровича Лотарёва – отца поэта, его матери – Наталии Степановны, Игоря Лотарёва в юном возрасте (в матросском костюмчике, рядом с коляской на железном ходу), старшей сестры Игоря – Зои и её троюродной сестры Шурочки Домонтович, ставшей потом Александрой Коллонтай. Далее на фотографиях - Игорь среди родственников, на рыбалке в эстонском посёлке Тойла. Здесь же фотографии жены поэта Фелиссы Михайловны Круут, их сына Вакха, друзей и родственников поэта. Немало фотографий периода первой мировой войны, когда поэт выступал в Москве и в провинции с «поэзовечерами», сопровождавшимися лекцией В. Ховина «Футуризм и война».

После 1918 года поэт жил в Эстонии, выступал с «поэзоконцертами» во многих городах Европы, совершил турне по Югославии. Проходили концерты с неизменным триумфом и неплохим сбором. Северянин был дружен с известной актрисой Ольгой Гзовской, певицей Лидией Липковской, которая не раз принимала участие в поэзоконцертах Игоря Северянина.

К фотографиям мы подобрали в Вологодской областной картинной галерее графические портреты и дружеские шаржи на Северянина и его современников. В связи с этим хочется вспомнить ксилографию с портретом И. Северянина, автор которой Николай Иванович Калита. Лев Аннинский, глядя «на воздух» вокруг портрета, как-то спросил художника: «Иногда пейзажный ветер дует с неожиданной стороны: Игорь Северянин ассоциируется у вас с ландолетно-бензиновым курортом? – получайте сырые кусты болотистого Севера (или Северо-Запада? – надо же знать череповецкую юность Лотарева, ещё не ставшего Северяниным; или эстонское глухое изгнание его, уже навсегда отрезанного от экзотических «поэз»)(7).

Вспомнили мы и о футуристических обложках, вспыхнувших эпатажным огнём в 1910-е годы. Графический дизайн авангарда имел цель «дать пощёчину общественному вкусу». Футуротипографика дерзко вышла за пределы мировых норм, привычных и проверенных временем книжных форм. Модерн всё ещё был популярен, и мирискусники оказывали всё большее влияние на художественную форму книги, создавая шедевры графического мастерства. Имена их вскоре стали известны всему миру, и не только в графике, но в живописи, сценографии и пластике.

Во время поездки в Москву мы обследовали антикварные книжные магазины, в результате чего у нас появились прижизненные публикации поэта и его современников. Например «Громокипящий кубок», изданный впервые в 1913 году. Всего за свою жизнь Игорь Северянин выпустил 29 книг. Часть из них мы сумели приобрести.

Побывали мы у потомков Лотаревых. Мария Георгиевна Рогозина оказалась коллегой – сотрудником архитектурного музея им. Щусева, и с сочувствием и пониманием отнеслась к нашим проблемам.

Словом, у нас появились друзья и в России и в Эстонии. Среди них Юрий Чурюканов, съездивший в Эстонию и снявший фильм об Игоре Северяnine. В этом фильме запечатлён скромный кабинет Северянина в Тойле, украшенный картинами, подаренными поэту и репродукциями с портретов Пушкина, Тютчева, Блока, Ахматовой. Здесь же находилась рубашка, в которой крестили поэта. Показывала всё это Юрию Чурюканову сестра жены поэта Линда Михайловна Крут.

Экскурсовод Татьяна Колесова подарила нам книгу Всеволода Рождественского, изданную в 1975 году. Эстонские любители поэзии Северянина тоже присылали нам книги. Среди них – «Венок поэту», изданный в Таллине в 1987 году. Составители книги Михаил Корсунский и Юрий Шумаков.

В поисках экспонатов, вещественных памятников, а без них экспозиция выглядит унылой и однообразной, мне пришлось буквально по странице пересмотреть, перетряхнуть музейный архив, перебрать вещественные коллекции. В материалах, относящихся к реальному училищу, мы обнаружили ученический билет реалиста, учебники, фотографии преподавателей. На фотографии, где был запечатлён педагогический совет Мариинской женской гимназии во главе с директором реального училища, мы увидели князя Б.М. Тенишева. Того самого, учителя, квартирантом которого Игорь Лотарев был, и которому посвятил стихотворение.

Князь, милый князь

Ау! Вы живы!

С нашей подачи портрет этот теперь известен всем.

Дополнительные сведения о Тенишеве, о порядках в училище нашлись позднее, благодаря московской учительнице Ольге Ивановне Слепко и присланной ею книге «О маленьких рыбаках и больших рыбах», автором которой был Цеханович Юрий Владиславович – современник Северянина и один из заведующих городским музеем в 1920-е годы. Известен теперь и такой факт, что Б.М. Тенишев учился вместе со старшим братом В.И. Ленина, который пытался втянуть князя в свои несправедливые дела. А.Ульянов окончил свою жизнь в Шлиссельбургской крепости за участие в покушении на жизнь императора Александра III.

Большую помощь в работе над выставкой оказала нам кандидат филологических наук О.В. Шеляпина, которая временно стала исполнять обязанности научного сотрудника музея. Она нашла потомков усадьбы

«Владимировка», проживавших в Москве, Нарве, Череповце. Результатом её исследований явилось помимо тематической структуры экспозиции, многочисленных публикаций и контрольного текста экскурсии - открытие мемориальной доски на доме Лотаревых. Состоялось это событие 24 апреля 1987 года. Автором проекта стал череповецкий скульптор А.М. Шебунин.

В результате интенсивного сбора материалов, изучения биографии поэта нами был принят историко-литературный, тематический принцип построения экспозиции. Это дало возможность изложить биографию и творческую хронику поэта, последовательно, выделяя наиболее важное.

Конечное воплощение идей экспозиционеров во многом зависит от профессионализма художников-оформителей. Оформлением и монтажом северянской экспозиции занималась бригада художников под руководством Виктора Агафонова, Александра Чепа, Александра Жандармова и др. Это были художники, которых не в меньшей степени, чем нас занимал и сам поэт и его литературно-художественное окружение, социальное положение, разнообразная художественная деятельность, уровень образования, «искусство жить», подчеркнутый эстетизм внешнего облика Северянина. Он вполне соответствовал творческим установкам поэта. Знаменитое высказывание Уайльда «Первейшая обязанность в жизни быть столь артистичным, сколь это возможно. Какова вторая, ещё никто не открыл»(8). (The first duty in life is to be as artificial as possible. What the second duty is no one has yet discovered.)

Северянин по определению Александра Вертинского был «человек бедный, но тянулся он изо всех сил, изображая пресыщенного эстета и аристократа». Он писал: «В зале Политехнического музея в Москве самозабвенно пел свои «поэзы» изысканно-галантерейный Игорь Северянин. Вспотевшие от волнения курсистки яростно аплодировали ему, единогласно избрав его «королём поэзии»... А он стоял, гордый и надменный, в чёрном глухом сюртуке, с длинным лицом немецкого пастора, и милостиво кивал головой, даже не улыбаясь, ... успех у него был потрясающий»(9).

В беседах, в творческом общении с художниками выставка обретала не только форму, обогащалось её содержание.

Образ музейной экспозиции как целостного произведения во многом зависит от архитектурно-художественного решения, которое должно максимально способствовать воплощению замысла экспозиционера. В нашем случае, найденная экспозиционерами и художниками стилевая организация экспозиции позволила показать самые важные моменты в жизни и творчестве поэта. Экспозиция получилась стильной и необычайно выразительной. В ней слились в единое целое информативность и репрезентативность, аттрактивность и экспрессивность, т.е. наука и искусство.

Этим объясняется долгий срок работы выставки. Она стала событием в культурной жизни города, пользовалась популярностью у туристов, прибывавших в Череповец водным путём. Немаловажно, что она была в шаговой доступности от места причала теплохода. Причиной успеха стало постоянное взаимодействие и взаимовлияние всех членов авторского коллектива на всем протяжении работы над экспозицией.

22 апреля 1987 года в книге отзывов появилась такая запись: «Очень приятное впечатление. По собственному опыту знаю, что когда на выставке копия и подлинного материала примерно фифти-фифти, сделать выставку удачной почти невозможно: копия всегда будет подавлять и обесценивать подлинник. Здесь же этого, в принципе, нет. Толково и со вкусом поработали

экспозиционеры. Остро сработали художники, хотя такой «правильный» выставочный зал несколько им в этом не помогал.

Спасибо большое, не зря приехал в ваш город. Государственный музей заповедник А.И. Островского. Зав. Мемориальным сектором В. Дружнев»(10).

Доцент кафедры русской и зарубежной литературы Карагандинского университета Г.Савченко отметила, что на выставке И. Северянин впервые «предстает человеком и поэтом объективно и беспристрастно. И это очень ценно. Поразительно, что на первую выставку собрано такое большое число прижизненных сборников. Художникам-оформителям удалось создать атмосферу времени и жизни и самого поэтического мира. Ценно, что череповецкий период жизни предстает в такой полноте и с достоинством»(11)

Туристка из Москвы Р.В. Кривицкая назвала выставку «несомненной удачей тех, кто её готовил. Современное, новаторское решение художника, не говоря уж о содержании, об умелом подборе экспонатов, оставляет глубокое впечатление»(12).

Художник-проектировщик из Художественного фонда РСФСР М. Соломонов признал нашу выставку безукоризненной, «преисполненной большого вкуса»(13) А. Пахмутова и Н. Добронравов, посетившие выставку, также оставили восторженный отзыв.

Потомки Лотаревых из Москвы высказали благодарность за «прекрасную выставку» и пожелание сохранить её, как постоянную экспозицию.

Но, не дано видно музейщику того, что дано живописцу, поэту, композитору. Экспозиция, посвящённая И. Северянину, несмотря на всеобщее признание, была разобрана при здравствующих в то время авторах.

Но, нет худа без добра. Выставка стала начальным моментом истории будущего музея, деревом, посаженным в 1987 году для «младших и грядущих поколений». Так выразился Иван Владимирович Цветаев, когда просил П.М. Третьякова приехать и полюбоваться своим начинанием на пользу тех юношей, которых, «нам с Вами уже не суждено будет увидеть. Наша роль будет в этом деле ролью старого садовника: «Старик деревья садит, что другому веку пригодятся»(14).

Выставка содействовала укреплению мысли, что Северянин наш – череповецкий - и он заслуживает того, чтобы в городе появился музей, посвящённый его жизни и творчеству. Это полезное учреждение, говоря словами П.М. Третьякова, способствовало бы процветанию города, Череповецкого района, и в целом процветанию культуры и искусств в России.

Литературному музею с момента его основания не хватает подвижника, такого, например, как создатель Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств) - профессор И.В. Цветаев. «Нажитое от общества, - говорил Цветаев, - должно возвращаться обществу в каких-либо полезных учреждениях. Он создавал свой музей «миром», в складчину. В этом процессе участвовали, чем могут и чиновники, и купцы, и небогатые помещики, и учителя. Неделями бродил Цветаев по Москве в поисках сотрудников по созданию музея. Под сотрудниками он подразумевал сочувствующих, а точнее жертвователей на нужды музея. Гораздо проще, - говорил он, - устроить всякое учреждение на средства казённого сундука, но по безнадёжности для нас этого источника, мы его не трогаем, по крайней мере, до сих пор»(15). Слова эти, как нельзя более, актуальны и сегодня.

Примечания:

1. Губенко Николай. Музеи: Переосмысление границ? / Н. Губенко // Мир музея. – 1993. - №2 (март-апрель). - С. 25.

2. Ячменев, И. М. Давние и далекие встречи / И. М. Ячменев // Коммунист. – 1977. - 26 июля.
3. Хачатрян А. Х. Игорь Васильевич Лотарев (Северянин) / А. Х. Хачатрян // Голос Череповца. – 1997. - 20 мая. - С. 11.
4. Там же.
5. Рассохин Николай // Коммунист. – 1990. - 23 августа.
6. Там же.
7. Аннинский, Лев. Ксилопоззия: портретист русской литературы / Л. Аннинский // Родина. – 1999. - Январь. - С. 78.
8. Там же.
9. Вертинский А. Дорогой длинною / А. Вертинский. - М., 1991. - С. 92.
10. Архив ЧерМО. № 418. 1. Книга отзывов по выставке, посвящённой 100-летию со дня рождения И. Северянина. 1987 г. На 38 листах. Л. 2.
11. Там же. 1 июня 1987 года. Л.10.
12. Там же. 23.06. 87. Л. 14.
13. Там же. 23.07. 87. Л.26.
14. Цит. по: И. Ненарокова. П.М. Третьяков и И.В. Цветаев // Панорама искусств. 1986. - №9. - С. 261.
15. Там же: С. 262, 269.